

МАСТЕРА — МОЛОДЫМ

Каждое новое свое сочинение Валерий Гаврилин пишет долго, непросто, пытаясь до конца понять, истинна ли потребность его музыки людям. Только после того, как сумеет в этом убедиться, выносит на слушательский суд. От этой высокой и непридуманной требовательности к себе, от неумолкающего стремления понять, познать тех, для кого пишет, кому свое искусство адресует, — относительная редкость премьер, они наступают лишь тогда, когда уверенность в необходимости данной музыки становится несомненной.

Я В МУЗЫКЕ ЖИВУ

Нынешний сезон для лауреата Государственной премии РСФСР, лауреата премии Ленинского комсомола Валерия Гаврилина был одним из самых удачных, самых насыщенных и результативных. В рамках XX юбилейной «Музыкальной весны» и в самый канун ее в Большом зале Ленинградской филармонии дважды прозвучали его «Перезвоны», грандиозная хоровая симфония, носящая подзаголовок «По прочтении Шукшина». К произведению этому, получившему самые высокие отзывы и тут же ставшему сенсацией сезона, композитор шел долго, но прямо, издавна неся в себе заветную мысль о Родине, о России.

Стремление отдать долг земле, его взрастившей и вскормившей, склонить голову перед мужеством и болью людей, на этой земле живущих, питало творчество Гаврилина изначально. Слава к нему пришла внезапно, разлетелась стремительно. Никогда не предполагал, что будет писать вокальную музыку, более того, всегда относился к ней чуть ли не с неприязнью, и вдруг пишет «Русскую тетрадь». И дальнейшие поиски и самые серьезные его достижения с тех пор связаны именно с вокальной музыкой.

Очень вскоре выяснилось, что она удивительно театральна, располагает к театрализованному прочтению. Так случилось с «Военными письмами» — горьким, шемющим циклом о вынужденной разлуке и горячей вепе в неприменную встречу. Так родился спектакль «Альбомчик», построенный на песнях и отрывках из вокальных циклов. Своеобразной формой музыкально-поэтического театра можно назвать и «Свадьбу», и «Пастуха и пастушку», и «Скоморохов». Однако все это были лишь вехи на пути к тому, что довелось услышать недавно.

Не случайно к новому своему сочинению Гаврилин предпосылает то ли подзаголовок, то ли посвящение — «По прочтении Шукшина». Он признается в своей любви к большому русскому писателю за его «неистовость и неприглаженность чувств, за обнаженную, как рана, совесть, не дающую покоя, и за мужественное недоумение перед неисчерпаемостью человеческой природы. За нежность к ищущим путникам»...

В центре всех прежних вокальных циклов Гаврилина — женский характер, вечная женская доля, перепутья женской судьбы. В центре «Перезвонов» — характер мужской, подлинно народный, истинно русский характер. «Перезвоны» — исконно русское слово. Звон колоколов вечен на Руси, и это одна из тех традиций, которые устоят в свидетельством корней, духа, знаком души народной. Звон вечерний, перезвоны...

В новом сочинении Гаврилина — перезвоны прошлого,

забытого и вечного, и настоящего, которому не жить без корней и памяти. Перезвоны времен, что сплелись в один крепкий и неразрывный узел. Перезвоны судеб, которые все, как есть, зависит от земли, от дома, их вырастившего.

...Судьбы земли, судьбы людей, судьбы музыки. Вот вопросы, что не дают покоя. Вопросы, на которые надо ответить хотя бы себе прежде, чем приступать к делу. Кому адресуют сегодня свою музыку композиторы? Широкому слушателю, элите, только себе? Или обращают в некое безвоздушное пространство, а оттого она умирает, будучи в лучшем случае однажды исполнена?

Над этими вопросами Гаврилин думает постоянно, понимая, что безадресная музыка, не ориентирующаяся на подлинные интересы людей, обречена на умирание. Наверное, поэтому, да еще по природной своей доброте и демократичности, он так внимателен к людям, так жаждет до истинной музыки, до высокой магии творчества.

И потому что он так внимателен и чуток к жизни, что больше всего на свете любит землю и людей на этой земле, что влечет его на родную Вологодчину, куда он едет и ранней весной, и поздней осенью, и тогда, когда кругом снега и небо того же, что и снег, цвета, ему некогда участвовать в той внешней показухе и суете, которая скоро и неизбежно убивает душу художника. Его имя реже других появляется на афишах. Он редко выступает на встречах и дискуссиях, зато уж если выступает, то это откровение для всех, кто слушает. И становится очевидным: только так, в себе и в многолетнем общении с людьми, раскиданными по огромной земле, могли родиться и вызреть «Перезвоны»...

Еще много лет назад, только-только осознав, что музыка — навсегда его жизнь, он понял, что для композитора, как и для любого художника, есть единственная и высшая радость — отдавать. А не так давно в одной из своих статей написал: «Я композитор. Яблоко в моих руках — музыка, его сок — человеческая боль, вера, надежда, любовь, добро». Он хочет, чтобы это яблоко наливалось соком и становилось самым прекрасным и совсем зрелым, чтобы не стыдно было дарить его людям. Для этого он живет. Он и сам ведь тот ищущий путник, о котором говорит применительно к Шукшину. Путник ищущий и идущий. Он редко дома, он в пути. А путь его — познание и постижение земли и человека на ней. Его музыка — музыка добрых исконных чувств, вечных, как земля, о которых забываем в скорый и путанный век и о которых он нам каждый раз новой своей музыкой напоминает. И просит остановиться, вспомнить, вернуться, не спешить. Просит быть людьми на нашей общей земле...

Т. ОТЮГОВА